

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

значенное мое положеніе заключалось въ слѣдующемъ: „Человѣкъ созданъ такимъ образомъ, что онъ не довольствуется сознаниемъ проявленій внутренней жизни и концепцію фактовъ, а стремится къ разъясненію причинъ явленій, — отсюда необходимое приложеніе философіи къ религіи. Стремясь создать себѣ представленіе объ извѣстномъ предметѣ, аргументативный умъ человѣка невольно побуждается къ объясненію существа предмета и причинъ его. Онъ старается потому даже тайну, т. е. безусловное облечь въ условное, чтобы такимъ образомъ хотя нѣсколько приблизить ее къ своему пониманію.

„Уважая это естественное стремленіе человѣческаго ума, церковь съ самаго начала допускала въ своей средѣ частную работу человѣческой мысли надъ истинами и тайнами религіи, хотя она не могла не сознавать, что понятія, выработанныя такимъ путемъ, не могли не быть условными и даже односторонними, ибо при высокой многосторонности обсуждаемаго предмета немыслимо, чтобы всѣ стороны онаго были схватываемы и разъясняемы отдѣльными лицами во всей ихъ полнотѣ. Такимъ образомъ въ лонѣ общей соединяющей всѣхъ христіанъ спасительной вѣрѣ появились разные отбѣнки личныхъ разъяснительныхъ мнѣній, такъ называемыя— частныя благочестивыя мнѣнія—на которыя церковь—сознавая съ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1910 года.

одной стороны, что сущность тайны намъ недоступна, а съ другой, что человѣческій умъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не составить себѣ какого-либо объясненія для даннаго предмета,—смотрѣла снисходительно, предоставляя частныя воззрѣнія какъ бы личной совѣсти каждаго. Она, такъ сказать, не препятствовала отдѣльнымъ своимъ членамъ стремиться, по мѣрѣ доступности, къ освѣщенію отдѣльныхъ сторонъ христіанской истины. Только когда это стремленіе стало переходить разумныя границы, приписывая отдѣльной сторонѣ истины всю истину и выходя изъ сферы частнаго мнѣнія, проявлять притязаніе на учительство, стремясь возвести для всей церкви одну сторону догмата въ полноту его, церковь приступила для огражденія христіанской истины, къ формальному изложенію тайны, т. е. къ формулированію о ней догматическаго опредѣленія. Но такъ какъ тайна остается для насъ непостижимою, то догматическое опредѣленіе ея и не имѣло со стороны церкви поползновенія быть объясненіемъ существа предмета непостижимаго и необъятнаго для нашего ума, а имѣло только цѣлью установленіе умственныхъ граней, долженствующихъ отклонить ложное толкованіе.

„Такой естественный ходъ церковной мысли можно прослѣдить въ исторіи каждаго догмата. Догматизировать, т. е. опредѣлять и объяснять систематически, начинаетъ всегда отдѣльный человѣческій умъ. Какимъ образомъ Іисусъ Христосъ могъ быть одновременно Сыномъ Божиимъ и Сыномъ человѣческимъ? Работа человѣческой мысли надъ этой необъятной для насъ тайной приводитъ церковь къ необходимости формулировать догматъ о двухъ естествахъ Спасителя; не для того, чтобы объяснить необъяснимое, а для того, чтобы отклонить ложное толкованіе. Догматъ этотъ вырабатывается церковью, какъ послѣдствіе двухъ прямо противоположныхъ еретическихъ ученій. Въ средѣ христіанскаго общества появились люди, которые стали учить, что Христосъ „былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ Богъ, и прежде сталъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ“ (несторіане). Одновременно съ этимъ появились другіе люди (монофизиты), которые, исходя изъ идеи несоизмѣримости человѣчества съ божествомъ, стали учить, что человѣчество по необходимости должно исчезнуть въ божествѣ, какъ исчезаетъ капля въ безмѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ, осталось только одно естество—божеское. Для возстановленія истины церковь формулировала догматически—что Христосъ одного существа съ Богомъ, и что въ Немъ божеское естество соединено съ человѣческимъ неслиянно и нераздѣльно. Это опредѣленіе не даетъ яснаго понятія о томъ, чего мы постичь не можемъ,

тайна остается тайной. Слова догматической формулы означают только, что церковь признает Христа тѣмъ, кѣмъ Онъ самъ себя объявилъ: Сыномъ Божиимъ и Сыномъ человѣческимъ въ одномъ лицѣ; ибо естества въ немъ не слиты, такъ что одно перешло въ другое. Онъ не только Богъ и не только человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они нераздѣльны, т. е. не слѣдуетъ допускать, чтобы въ теченіе своей земной жизни Онъ могъ дѣйствовать и ощущать или не ощущать что-либо, то какъ Богъ, то какъ человѣкъ...

„Итакъ догматъ слѣдуетъ понимать не какъ адекватное опредѣленіе о сущности предмета, но какъ установленіе границъ, отклоняющихъ вторженіе ложнаго толкованія христіанской истины. Значеніе догмата, такимъ образомъ, преимущественно отрицательное, а не положительно-объяснительное. Однимъ словомъ, догматъ въ области ученія и мысли есть то же самое, что правило въ области жизни. Точно также какъ необходимость правила есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области жизни, необходимость догмата есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области мысли“.

Мнѣ казалось не безынтереснымъ воспроизвести здѣсь вышеизложенное положеніе, потому что, какъ уже выше замѣчено, я еще не встрѣчалъ подобнаго опредѣленія значенія догмата ни въ одномъ богословскомъ трактатѣ, которые мнѣ приходилось читать.

„Опытъ изъясненія на Евангеліе отъ Іоанна“ былъ предпринятъ мною по слѣдующему случаю. Я состоялъ членомъ „общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“. По поводу дѣятельности этого общества у насъ неоднократно указывалось на настоятельную необходимость изданія и распространенія, вмѣстѣ съ книгами Св. Писанія и толкованій на оныя, для предупрежденія ложныхъ выводовъ изъ Писанія, хотя наша духовная литература и обладала уже весьма замѣчательнымъ, по своему ученому достоинству и по своему православно-христіанскому направленію, сочиненіемъ преосв. Михаила „Толковое Евангеліе“. Это подало мнѣ мысль, пользуясь прекраснымъ трудомъ преосв. Михаила, составить краткое и болѣе общедоступное изъясненіе на нѣкоторыя священныя книги.

Первый опытъ я рѣшился сдѣлать съ Евангеліемъ отъ Іоанна, нѣсколько лѣтъ спустя я издалъ краткое изъясненіе на посланіе Апостола Павла къ Филиппійцамъ; затѣмъ я принялся за изъясненіе посланій Апостола Петра, но по недостатку матеріала, этотъ послѣдній трудъ остается до настоящаго времени неоконченнымъ.

Работая надъ изъясненіемъ Ев. отъ Іоанна, я постоянно пользовался совѣтами протоіерея А. А. Лебедева, и читалъ ему мою работу,

по мѣрѣ ея составленія. Благодаря его содѣйствію, я не только получилъ на этотъ разъ безъ труда разрѣшеніе цензуры на печатаніе моего труда,—но этотъ трудъ былъ даже одобренъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ „для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и въ бібліотеки при церквахъ“.

Около этого же времени я принялъ на себя, по приглашенію Вел. Кн. Екатерины Михайловны, предсѣдательство въ попечительномъ Комитетѣ Клиническаго Института Вел. Княгини Елены Павловны. Этотъ замѣчательный учебно-медицинскій Институтъ былъ устроенъ по мысли и на средства Вел. Княгини Елены Павловны (и потому носилъ ея имя), при ближайшемъ участіи извѣстнаго доктора Эйхвальда, который сдѣлался первымъ директоромъ Института и много потрудился, чтобы поставить его на высоту современныхъ научныхъ требованій. Институтъ былъ превосходно оборудованъ, и въ клиникѣ его занимались и читали лекціи лучшіе профессора-медики. Онъ достигъ такой извѣстности, что въ Клини. Институтъ пріѣзжали провинціальныя доктора, окончившіе университетское образованіе, чтобы заниматься въ клиникѣ и слушать лекціи. Вел. Кн. Елена Павловна, которая очень благоволила къ Эйхвальду, оставила ему по своему завѣщанію значительную сумму,—Эйхвальдъ пожертвовалъ этотъ капиталъ на развитіе Клиническаго Института. Онъ оставался директоромъ до самой смерти, послѣдовавшей, кажется, въ 1890 году. При Институтѣ состоялъ молодой докторъ Монастырскій, пользовавшійся, какъ операторъ, большою извѣстностью; на него смотрѣли, какъ на будущаго преемника Эйхвальда, такъ какъ онъ былъ гораздо моложе его. Къ сожалѣнію, Монастырскій умеръ еще за годъ до смерти Эйхвальда.

Въ моментъ смерти доктора Эйхвальда назначеніе директора встрѣтило нѣкоторое затрудненіе. Старшимъ изъ профессоровъ при институтѣ былъ докторъ Афанасьевъ, но онъ былъ, въ сущности, не клиницистъ, а бактериологъ и какъ таковой пользовался нѣкоторою извѣстностью. Я ему предлагалъ, сохраняя кафедру бактериологій, стать во главѣ Института, потому что это дало бы возможность пополнить личный составъ Института кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ клиницистовъ, который могъ бы замѣнить покойнаго Эйхвальда. Но Афанасьевъ настаивалъ на занятіи клинической кафедры и не хотѣлъ согласиться на мою комбинацію. Назначенію Афанасьева директоромъ не сочувствовалъ, впрочемъ, директоръ медицинскаго департамента Рагозинъ, и сама Великая Княгиня не соглашалась на его назначеніе. Кандидатомъ Великой Княгини и Рагозина былъ докторъ фонъ-Анрепъ. Большинство членовъ Совѣта учрежденій Великой Княгини Елены

Павловны, поддерживали однако кандидатуру Афанасьева. Тогда Великая Княгиня, по совѣту Рагозина, обратилась прямо въ Совѣтъ съ выраженіемъ своего желанія о назначеніи Анрепа и просила Совѣтъ сдѣлать для того необходимыя распоряженія. Для этого требовалось временное отклоненіе отъ устава Института, такъ какъ по уставу директоромъ долженъ былъ быть клиницистъ, а Анрепъ не былъ таковымъ. Пришлось поэтому предварительно вносить это дѣло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно получило удовлетворительное разрѣшеніе. Каково же было мое удивленіе, когда нѣсколько дней спустя Великая Княгиня сообщила мнѣ за обѣдомъ, что Государь не утвердилъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта. Государь нерѣдко соглашался съ меньшинствомъ, но вдругъ, въ такомъ чисто спеціальномъ и неважномъ вопросѣ Государь отказалъ въ утвержденіи! Случай этотъ объясняется существовавшимъ въ то время въ Петербургѣ антагонизмомъ между русскими и нѣмецкими докторами. Вѣроятно, кто-либо изъ приближенныхъ Государя докторовъ внушилъ ему, что въ этомъ дѣлѣ проявилась интрига нѣмцевъ противъ русскихъ, и этого было достаточно, чтобы вызвать отказъ Государя. Мнѣ было это особенно непріятно, потому что хотя первая мысль октроировать Совѣту назначеніе фонъ-Анрепа была дана Рагозинымъ, но такъ какъ я съ этимъ предложеніемъ согласился, то оказывалось, что я былъ отчасти причиною тому, что Великая Княгиня была поставлена отказомъ Государя въ ея желаніи въ неловкое положеніе.

Вопросъ о назначеніи директора оставался затѣмъ открытымъ; а такъ какъ въ 1892 г. мнѣ пришлось управлять министерствомъ финансовъ, то я временно сложилъ съ себя предсѣдательство въ комитетѣ, гдѣ меня замѣнилъ Шванебахъ. Послѣ того какъ я осенью оставилъ министерство финансовъ, Великая Княгиня обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я опять принять на себя предсѣдательство? Но, ввиду все еще продолжавшейся трудности присканія подходящаго кандидата въ директора Института, я просилъ ее совершенно уволить меня, о чемъ, впрочемъ, я просилъ ее уже и прежде. Дѣло кончилось тѣмъ, что, по предложенію предсѣдателя Совѣта Шумахера, директоромъ былъ назначенъ докторъ Склифасовскій изъ Одессы, а предсѣдателемъ попечительнаго комитета былъ назначенъ фонъ-Анрепъ.

Хотя я такимъ образомъ оставилъ Клиническій институтъ въ неопредѣленномъ положеніи, однако Великая Княгиня Екатерина Михайловна сохранила ко мнѣ прежнее благосклонное отношеніе, которое продолжалось до самой ея смерти, и я былъ глубоко тро-

нутъ, когда послѣ кончины Великой Княгини; ея дочь, принцесса Елена Георгіевна, сообщила мнѣ, что В. К. Екатерина Михайловна оставила мнѣ по духовному завѣщанію на память картину (Бакгуйзена—Корзина цвѣтовъ), которая висѣла на стѣнѣ въ ея красной гостиной, гдѣ мы обыкновенно послѣ обѣда пили кофе и бесѣдовали. Она вообще оставила по духовному завѣщанію разные предметы на память почти всѣмъ лицамъ, находившимся въ близкихъ съ нею отношеніяхъ, и въ томъ числѣ не забыла и меня.

Осенью 1886 года я взялъ отпускъ и отправился съ сестрами въ Крымъ.

Въ Алушкѣ мы поселились въ домѣ одного татарина, помещеніи очень незатѣйливомъ — комната какой-то чуланъ, съ выбѣленными известкой стѣнами, въ которой помѣщалась кровать и самая необходимая примитивная мебель, — но зато помещеніе замѣчательно чистое. Мы посѣтили дворецъ, паркъ и всѣ окрестности Алушки, между прочимъ Симензъ, съ его замѣчательнымъ дворцомъ Мальцева, построеннымъ исключительно изъ желѣза и стекла, и похожимъ на громадную оранжерею. Въ Симензѣ мы встрѣтили Д. А. Милютина съ его дочерью, которые тоже туда пріѣхали погулять изъ близлежащаго своего имѣнія. Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру живописныхъ окрестностей Алушки, мы отправились въ Ялту, гдѣ и окончательно поселились на всю осень. Въ Ялтѣ мы застали В. В. Верховскаго, который, уѣзжая черезъ нѣсколько дней, передалъ намъ свою квартиру въ домѣ Мясоѣдовой, на набережной. Такъ какъ всѣ гостиницы были переполнены, то мы были очень рады этому удобному случаю. Квартира оказалась скромною, но очень удобною; хозяйка услужливая, такъ что мы очень пріятно прожили тамъ все время.

Въ Ялтѣ мы застали много знакомыхъ, кромѣ Верховскаго, графа Татищева, нашего лужскаго сосѣда съ семействомъ, Трепова съ семействомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ того въ Ай-Тодорѣ жила Вел. Кн. Екатерина Михайловна съ семействомъ, а въ Ореандѣ Вел. Князь Константинъ Николаевичъ. Отъ Вел. Кн. Екатерины Михайловны я получалъ нерѣдко приглашенія на обѣды и завтраки, въ Ай-Тодорѣ. Кромѣ того, у нея устраивались разныя экскурсіи въ окрестности, въ большомъ обществѣ, въ которыхъ я тоже обыкновенно участвовалъ. Вел. Княгиня ѣхала обыкновенно въ экипажѣ, а все ея общество, дочь Елена Георгіевна, сыновья, жившій у нея Саблеръ и другіе приглашенные сопровождали ее верхами. Экскурсіи эти, въ пріятномъ обществѣ, доставляли всѣмъ большое удовольствіе. Такимъ образомъ мы ѣздили на Учавъ-Су, Лимены, Эрикликъ, Ай-Петри. Особенно удалась экскурсія на Ай-

Петри. Поднявшись на вершину горнаго хребта, мы наслаждались оттуда видомъ *à vol d'oiseau* на Алупку и простирающееся за нею море; ходившія надъ вершиною горы облака то закрывали передъ нами лежащую у подножья горы мѣстность, то, раздвигаясь, раскрывали передъ нами какъ бы медальоны картинъ, окаймленные облаками. Затѣмъ мы спустились на Эрикликъ, гдѣ для всего общества былъ приготовленъ обѣдъ, а послѣ обѣда мы проводили Вел. Княгиню до Ай-Тодора, такъ что, по возвращеніи въ Ялту, я имѣлъ пріятное сознаніе, что въ этотъ день я проѣхалъ верхомъ около 40 верстъ.

Во время пребыванія въ Крыму меня крайне заинтересовало посѣщеніе Великаго Князя Константина Николаевича. Послѣ восшествія на престолъ царствовавшаго Императора, Вел. Князь оставилъ предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ, управление Морскимъ Министерствомъ и, такъ сказать, удалился на покой въ свое имѣніе Ореанда, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно, до послѣдней его предсмертной болѣзни.

Великолѣпный дворецъ Ореанды, принадлежавшій покойной Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, какъ извѣстно, сгорѣлъ, кажется, еще въ царствованіе Императора Николая. Отъ него остались въ поэтическомъ Ореандскомъ паркѣ только однѣ живописныя развалины, позволявшія, однако, судить объ изяществѣ и красотѣ бывшаго дворца. Послѣ смерти Императрицы Ореанда перешла по ея завѣщанію во владѣніе ея сына Вел. Кн. Константина Николаевича. И при немъ дворецъ оставался въ развалинахъ, потому что на поврежденныхъ огнемъ основаніяхъ и оставшихся стѣнахъ стараго дворца нельзя было соорудить надстройки; пришлось бы строить совершенно новый дворецъ—на что, кажется, не имѣлось средствъ; при томъ же, уцѣлѣвшіе остатки стараго дворца представляли крайне живописную руину. Великій Князь помѣстился въ маленькомъ флигелѣ, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ стараго дворца, въ которомъ было, кажется, всего три комнаты—его спальня, столовая и небольшой кабинетъ. Прислуга помѣщалась въ большомъ домѣ, находящемся по ту сторону стараго дворца.

Когда я пріѣхалъ представиться Великому Князю, онъ принялъ меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ очень любезно. Я былъ просто пораженъ скромностью помѣщенія. Мы разговорились съ нимъ о крымской природѣ, и затѣмъ онъ сталъ рассказывать мнѣ о постройкѣ храма въ Ореандѣ,—постройкѣ, которая поглощала весь его интересъ, и на которую онъ посвящалъ все свое время. Онъ объяснилъ мнѣ, что эта небольшая, но дѣйствительно крайне изящная церковь, строится въ древне-греческомъ стилѣ; объяснилъ мнѣ, какія

въ ней будутъ помѣщены духовныя изображенія изъ мозаики, или, какъ онъ объяснилъ мнѣ, муссіи, точное названіе старинной мозаики,—у кого онъ заказаны въ Венеціи и т. д.—однимъ словомъ, съ живостью распространялся объ этомъ предметѣ, явно поглощавшемъ въ то время весь его интересъ...

Въ этой церкви въ день именинъ Вел. Князя происходило обыкновенно богослуженіе, на которомъ присутствовали и постороннія лица. Во время богослуженія нѣкоторые изъ присутствующихъ получили приглашеніе на завтракъ у Вел. Князя, происходившій послѣ обѣдни; такого приглашенія удостоился и я. Такъ какъ въ его скромномъ жилищѣ было невозможно помѣстить столько гостей, то на этотъ день устраивался столъ въ одной изъ галлерей стараго дворца, почти вполнѣ сохранившейся; надъ этой галлереей натягивался парусинный тентъ, для защиты отъ солнца, родъ крыши; вдоль галлерей былъ поставленъ столъ, за которымъ размѣщались Вел. Князь и его гости. Эти завтраки по своей живописной и своеобразной обстановкѣ имѣли совершенно характеръ пикника. За завтракомъ я сидѣлъ возлѣ Д. А. Милютина.

По возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1886 г., стали поговаривать о близкомъ уходѣ Н. Х. Бунге, который уже нѣсколько разъ просилъ Государя о своемъ увольненіи. Кандидатомъ на постъ министра финансовъ называли И. А. Вышнеградскаго, кандидатуру котораго выставилъ Катковъ. Нѣсколько времени передъ тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и это назначеніе уже могло служить предуказаніемъ готовившагося назначенія его на высшій постъ. Иванъ Алексѣевичъ пользовался репутаціей очень ловкаго и умнаго дѣльца; онъ составилъ себѣ состояніе на поставкахъ артиллерійскому департаменту изобрѣтеннаго имъ порохового состава. Долгое время онъ былъ директоромъ технологическаго училища. Въ катковскихъ сферахъ распространялось мнѣніе, что во главѣ министерства финансовъ слѣдуетъ поставить не бюрократа и не профессора-теоретика, а практическаго дѣльца; какъ на такового и указывали на Вышнеградскаго.

Въ послѣднихъ числахъ года ко мнѣ заѣхалъ Пав. Ник. Николаевъ, чтобы сообщить мнѣ, что Николай Христіановичъ оставляетъ министерство, назначается предсѣдателемъ комитета министровъ (этотъ постъ тогда освободился съ уходомъ М. Х. Рейтерна), что министромъ финансовъ назначается Вышнеградскій, что онъ, Николаевъ, останется товарищемъ министра не соглашается, и что Вышнеградскій намѣренъ предложить мнѣ постъ

товарища, вѣроятно вслѣдствіе благопріятнаго обо мнѣ отзыва Государя, о которомъ я выше упоминалъ.

1887.

Въ самый новый годъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій заѣхалъ ко мнѣ рано утромъ, и такъ какъ я еще не былъ одѣтъ, оставилъ мнѣ карточку, съ титуломъ: министръ финансовъ. Этотъ визитъ очевидно имѣлъ цѣлью предложеніе мнѣ мѣста его товарища. По дорогѣ въ дворецъ, гдѣ въ этотъ день былъ выходъ, какъ обыкновенно, я заѣхалъ къ Ивану Алексѣевичу, но, разумѣется, тоже его не засталъ. Во дворецъ только что Вышнеградскій увидѣлъ меня, какъ онъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ вышеуказанное предложеніе. Я ему отвѣтилъ, что, соглашаясь на сдѣланное мнѣ почетное предложеніе, я только долженъ оговорить, что такъ какъ по нѣкоторымъ вопросамъ, напр., по вопросу о таможенномъ покровительствѣ, мои мнѣнія будутъ, можетъ быть, расходиться съ его взглядами, то я предоставляю себѣ, не стѣняясь, высказывать ему мои возраженія,—съ чѣмъ онъ, разумѣется, согласился. Мое назначеніе состоялось въ тотъ же день, т. е. 1-го января 1887 года. Въ званіи товарища министра я состоялъ почти шесть лѣтъ, т. е. до сентября 1892 г.

Въ то время въ министерствѣ финансовъ былъ только одинъ товарищъ министра; съ тѣхъ поръ это перемѣнилось: въ послѣднее время ихъ было до четырехъ. При такомъ положеніи дѣла, полезное вліяніе товарища министра значительно умаляется; въ сущности, онъ долженъ быть *alter ego* министра и быть постоянно въ курсѣ всего дѣла, чтобы, въ случаѣ отсутствія министра, замѣнять его по всѣмъ частямъ управленія. Нынѣ же каждый товарищъ, завѣдуя только одною частью вѣдомства, мало знакомъ съ остальными частями; въ сущности, нынѣшніе товарищи—только старшіе директора. Несомнѣнно, дѣятельность министерства финансовъ съ тѣхъ поръ крайне расширилась, но нынѣ едва-ли есть министерство, въ которомъ бы было менѣе двухъ товарищей; даже министерство Госуд. имуществъ и земледѣлія, при его ограниченномъ кругѣ дѣлъ, имѣетъ двухъ товарищей. Въ концѣ девятыдесятаго года, когда въ министерство финансовъ перешла тарифная часть желѣзнодорожнаго дѣла, и былъ учрежденъ жел.-дор. департаментъ, Иванъ Алексѣевичъ пожелалъ взять втораго товарища; но когда онъ доложилъ о томъ Государю, то послѣдовалъ отказъ. Государь замѣтилъ, что довольно ему и одного товарища.

Послѣ моего назначенія служащіе въ департаментѣ Государственнаго казначества поднесли мнѣ на память изящный альбомъ съ ихъ фотографическими портретами. Этотъ знакъ вниманія меня тѣмъ болѣе тронулъ, что никто изъ директоровъ этого департамента до того времени не былъ удостоенъ такого знака вниманія со стороны его подчиненныхъ. Я могъ изъ этого заключить, что, во время управленія департаментомъ, я успѣлъ заслужить расположеніе и уваженіе всѣхъ моихъ подчиненныхъ.

Почти шесть лѣтъ я работалъ съ Иваномъ Алексѣвичемъ на поприщѣ финансовъ и потому могъ вполне оцѣнить образъ его дѣятельности. Человѣкъ чрезвычайно энергическій и горячій, Иванъ Алексѣвичъ всю душу положилъ въ это дѣло. Работая съ утра до поздней ночи, онъ не зналъ усталости и не щадилъ своего здоровья. Онъ имѣлъ привычку вставать очень рано и, несмотря на то, нерѣдко на вечернихъ засѣданіяхъ засиживался до двухъ, трехъ часовъ ночи, и такъ какъ всѣ дѣла онъ по своему живому характеру принималъ близко къ сердцу, то онъ и находился почти въ постоянномъ волненіи. Такой усиленной дѣятельности и такого постоянного напряженія нервовъ даже его крѣпкій и здоровый организмъ не могъ вынести. Въ апрѣлѣ 1892 года съ нимъ сдѣлался ударъ, и хотя онъ отъ него нѣсколько и оправился, но прежнимъ энергическимъ дѣятелемъ онъ уже пересталъ быть. Замѣчательно, что подъ вліяніемъ болѣзни его характеръ совершенно перемѣнился, вмѣсто прежняго довольно сухого и рѣзкаго образа обращенія, настроеніе его сдѣлалось мягкимъ и теплымъ. Несомнѣнно, въ званіи министра финансовъ онъ свою жизнь принесъ въ жертву на пользу отечества.

Въ скоромъ времени послѣ его назначенія министромъ, скончался Катковъ. Удаленіе со сцены личности, которая вывела Ивана Алексѣвича въ министры, признавалось въ то время счастливымъ для него предзнаменованіемъ,—потому что, со смертію Каткова, онъ освобождался отъ опеки и того давленія, которое Катковъ, вѣроятно, постарался бы производить на него.

Въ первые годы управленія Вышнеградскаго министерствомъ, въ составѣ министерства произошли двѣ перемѣны, на которыя было обращено вниманіе потому, что онѣ послѣдовали по указанію Государя и характеризовали направленіе, которое тогда преобладало въ высшихъ сферахъ.

Директоромъ департамента окладныхъ сборовъ былъ А. А. Рихтеръ, человѣкъ необыкновенно умный и дѣльный, но его упрекали въ дворянскихъ кругахъ въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Послѣ одного доклада у Государя, Иванъ Алексѣвичъ рассказалъ мнѣ, что Государь, указывая на неудовлетворительный будто бы

личный составъ министерства, пожелалъ удаленія между прочимъ Рихтера. По этому поводу я ему замѣтилъ, что уже и при Бунге дѣлались такія замѣчанія, но Николай Христіановичъ отстаивалъ своихъ дѣятелей, считая ихъ крайне полезными, я прибавилъ къ этому, что можетъ быть и ему удастся отстоять Рихтера, но онъ возразилъ мнѣ, что желаніе Государя было высказано на сей разъ въ столь опредѣленной формѣ, что трудно его не исполнить. Онъ, впрочемъ, все же не уволилъ Рихтера, а только перемѣстилъ его на постъ члена Совѣта Министерства Финансовъ. Александръ Александровичъ вслѣдъ затѣмъ заѣхалъ ко мнѣ, такъ какъ мы были съ нимъ всегда въ лучшихъ отношеніяхъ, чтобы лично сообщить мнѣ о своемъ перемѣщеніи, при этомъ онъ выказывалъ большое спокойствіе духа. Впослѣдствіи Вышнеградскій поручалъ впрочемъ Рихтеру разработку разныхъ, очень существенныхъ вопросовъ по земельному обложенію и по земскому хозяйству, такъ что до самой смерти онъ продолжалъ принимать серьезное участіе въ работахъ Министерства Финансовъ.

Нѣсколько времени спустя та же участь постигла Картавцева, который управлялъ Дворянскимъ и Крестьянскимъ банками. Картавцевъ былъ еще относительно молодымъ человѣкомъ. Во время профессуры Бунге въ Кіевѣ, онъ слушалъ у него лекціи, и потому Бунге его хорошо зналъ и цѣнилъ; онъ самъ опредѣлилъ его въ министерство, и нѣкоторое время спустя сдѣлалъ его управляющимъ вышеозначенныхъ банковъ. Въ этомъ положеніи онъ навлекъ на себя жестокою ненавистью дворянскихъ землевладѣльцевъ. Съ учрежденіемъ дворянскаго банка, кредитные аппетиты землевладѣльцевъ разрослись до неимовѣрныхъ предѣловъ, и потому естественно, что Картавцеву постоянно приходилось отклонять крайнія требованія кредита и разныхъ льготъ, заявляемыя ему дворянами землевладѣльцами.

Это составило ему репутацію явнаго противника дворянства, о немъ говорили, что, стремясь къ переходу дворянскихъ имѣній въ руки крестьянъ, онъ намѣренно отказываетъ дворянамъ въ кредитѣ, все это доходило до Государя, и Государь потребовалъ его смѣщенія. Возбужденіе противъ него было настолько сильно, что оказывалось невозможнымъ сохранить его даже въ составѣ министерства.

Иванъ Алексѣевичъ, сообщая мнѣ о необходимости уволить Картавцева, прибавилъ еще, „что это былъ для него самый тяжелый день“. Я послѣ того заѣхалъ къ Картавцеву, но не засталъ его дома, и вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ него письмо въ очень теплыхъ выраженіяхъ.

Иванъ Алексѣевичъ впрочемъ позаботился о томъ, чтобы его вполне обезпечить. Онъ назначилъ ему очень значительную пенсію и устроилъ его членомъ правленія въ обществѣ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Вышнеградскій хорошо понималъ, что кого бы ни назначить на мѣсто Картавцева, при данномъ настроеніи, которое еще было усилено тѣмъ, что Картавцевъ былъ принесенъ ему въ жертву, бороться противъ неумѣренныхъ требованій дворянъ землевладѣльцевъ будетъ очень трудно, и потому онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ выходомъ изъ затрудненія представляется назначеніе на этотъ постъ личности изъ аристократическаго круга, которая при отказахъ въ неосновательныхъ требованіяхъ кредита не будетъ подлежать обвиненію во враждѣ дворянству. Выборъ Ивана Алексѣевича остановился на нашемъ извѣстномъ поэтѣ графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, который и по своему громкому имени, и по своему личному характеру вполне соответствовалъ требованіямъ даннаго времени. Кромѣ того Ивану Алексѣевичу пріятно было этимъ назначеніемъ выразить свою благодарность семейству графа Кутузова, у котораго, молодымъ человѣкомъ, онъ былъ домашнимъ учителемъ, и съ которымъ съ тѣхъ поръ онъ сохранилъ хорошія отношенія. Система Ивана Алексѣевича оказалась удачною, и съ тѣхъ поръ долгое время на этотъ постъ назначались лица изъ аристократическаго круга,—князь Оболенскій, князь Ливень, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Принявъ министерство съ большимъ хроническимъ дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ, Иванъ Алексѣевичъ поставилъ себѣ главною задачею освободить Россію отъ этого недуга. Для достиженія этой цѣли онъ до крайности сокращалъ расходы и заботился объ увеличеніи доходовъ, воевалъ постоянно противъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій—и дѣйствительно благодаря своей удивительно энергической настойчивости достигъ того, что сверхсмѣтные расходы совершенно прекратились, дефицитъ исчезъ—въ смѣтѣ на 1891 годъ исчислялся даже значительный избытокъ дохода. Это такая громадная заслуга, которая къ сожалѣнію не была достаточно оцѣнена его современниками, но которая составитъ ему имя въ исторіи. Его обвиняли въ томъ, что онъ скупился до крайности на всякіе расходы, и потому многіе дѣйствительныя современныя потребности Государства оставались неудовлетворительными. Отчасти это такъ и было; но подобно тому, какъ больного человѣка надо прежде всего вылѣчить отъ главной болѣзни и потомъ уже думать объ удовлетвореніи другихъ его потребностей, такъ и въ данномъ случаѣ Иванъ Алексѣевичъ считалъ прежде всего необходимымъ, во что бы

то ни стало, излечить прежде всего Россію отъ главнаго ея недуга— постоянныхъ дефицитовъ.

Для уничтоженія дефицита, какъ уже выше замѣчено, необходимо было прежде всего сдерживать стремленія отдѣльныхъ вѣдомствъ получать сверхсметные кредиты на расходы, не предусмотрѣнные въ сметѣ—и это было не легко, при установившейся привычкѣ не стѣсняться въ расходахъ предѣлами сметы. Приходилось на этой почвѣ бороться со всеми вѣдомствами и не разъ Вышнеградскому приходилось прибѣгать къ испрошенію Высочайшихъ повелѣній о безусловномъ устраненіи всякихъ сверхсметныхъ требованій. Только основываясь на рѣшительной волѣ Государя, Ивану Алексѣевичу удалось удалить изъ нашей финансовой практики пагубную привычку прибѣгать къ сверхсметнымъ ассигнованіямъ. Только уже послѣ него, ввиду появившихся избытковъ дохода и увеличенія наличности Государственнаго Казначейства, опять стали появляться сверхсметныя ассигнованія на армію, флотъ, желѣзныя дороги—не вызывая впрочемъ пока еще дефицита.

Для достиженія имѣвшейся ввиду цѣли, недостаточно было заботиться объ уменьшеніи расходовъ, необходимо было думать и объ увеличеніи доходовъ, хотя на первое время это и представляло весьма трудную задачу.

Вышнеградскій помышлялъ вначалѣ о введеніи казенной монополіи на табакъ и спиртъ, но, послѣ основательнаго изученія этого вопроса, онъ отказался отъ своей мысли. Только впоследствии С. Ю. Витте рѣшился ввести винную монополію; о пользѣ этого введенія были различнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ на первое время эта реформа вызвала значительный расходъ на устройство монополіи, т. е. на приобрѣтеніе вина, на индемнизацию, на постройки и т. д.—а увеличеніе дохода являлось только въ будущемъ. Затѣмъ были проекты разныхъ другихъ новыхъ налоговъ, которые тоже не были приведены въ исполненіе. Иванъ Алексѣевичъ ввелъ только одинъ новый налогъ на спички. Надъ этимъ налогомъ вначалѣ очень издѣвались, а между тѣмъ онъ оказался весьма удачнымъ, почти незамѣтный для потребителей, онъ съ самаго же перваго года далъ около двухъ милліоновъ рублей чистаго дохода. Не вводя монополіи, оказалось возможнымъ, путемъ нѣкотораго измененія системы взиманія и повышеніемъ окладовъ, не мало значительно увеличить доходъ отъ вина, табака и сахара. Съ теченіемъ времени доходы государства стали расти изумительно даже по такимъ статьямъ, которыя не были затронуты никакими переменами; ростъ былъ совершенно естественный, вызываемый отчасти нѣсколькими годами хорошихъ урожаевъ,—однимъ словомъ, можно

сказать, что Ивану Алексѣвичу везло до самаго несчастнаго 1891 года, когда съ неурожаемъ наступилъ кризисъ и какъ бы переломъ его счастью.

Въ видахъ сокращенія расходовъ Иванъ Алексѣвичъ обратилъ между прочимъ вниманіе на возможность сокращенія нашего расходнаго бюджета путемъ конверсін нашихъ займовъ и обращенія ихъ въ государственную ренту.

Вопросъ о превращеніи ежегодно обязательно погашаемыхъ займовъ въ государственную ренту, не подлежащую обязательному погашенію, давно уже былъ возбужденъ въ финансовой наукѣ; первый, кажется, обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ извѣстный экономистъ I. B. Say. Онъ указывалъ, что почти всѣ государства гасятъ ежегодно часть старыхъ займовъ и одновременно заключаютъ новые займы, часто на условіяхъ менѣе выгодныхъ; потому разумнѣе было бы въ такое время, когда приходится заключать новые займы, не гасить старыхъ, а для этого необходимо превратить займы въ государственную ренту, къ погашенію которой, покупкой ея на рынкѣ, можно приступать въ такое время, когда оказывается избытокъ доходовъ и не предстоить необходимости въ новыхъ займахъ. Согласно этой теоріи Франція превратила весь свой государственный долгъ въ государственную ренту, которой не присвоено обязательнаго погашенія.

Къ этой системѣ перешелъ и Вышеградскій; пользуясь расположеніемъ къ намъ французскаго рынка и избыткомъ денегъ на европейскихъ рынкахъ вообще, онъ комбинировалъ конверсію нашихъ государственныхъ займовъ съ превращеніемъ ихъ въ государственную ренту.

Незадолго передъ тѣмъ графъ Бисмаркъ, ставъ въ непріязненное къ намъ отношеніе, заключилъ направленный противъ насъ договоръ съ Австріей и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ для нашихъ бумагъ нѣмецкій рынокъ. Онъ объяснялъ этотъ поворотъ враждебнымъ настроеніемъ противъ Германіи русской прессы послѣ Берлинскаго конгресса, лишившаго насъ части выгодъ, которыя могли бы быть послѣдствіемъ нашей побѣдоносной войны съ Турціей,—и опасеніемъ, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Россія могла бы быть вовлечена въ непріязненныя отношенія къ Германіи. Мѣры Бисмарка вполнѣ достигли желаемой имъ цѣли, значительная часть русскихъ бумагъ была изгнана съ германскихъ биржъ; бумаги эти перешли большею частью по дешевой цѣнѣ во Францію. Германскіе капиталисты, сбывшіе русскія бумаги, стали помѣщать освободившіеся капиталы въ разныя высокопроцентныя бумаги, сомнительнаго достоинства — въ аргентинскіе, турецкіе,

португальскіе фонды,—на которыхъ они понесли впоследствии значительныя потери.

Разъ французскій рынокъ оказался расположеннымъ къ русскимъ бумагамъ, Иванъ Алексѣевичъ воспользовался моментомъ изобилія нашихъ свободныхъ денегъ, приступилъ къ осуществленію задуманной имъ операціи.

Первые переговоры начались съ банкирскимъ домомъ Субейранъ, только что выпустившимъ итальянскій заемъ. Послѣдовало соглашеніе, проектъ договора былъ составленъ, но когда Вышнеградскій внесъ его въ финансовый комитетъ, послѣдній отказалъ въ своемъ на него согласіи, потому что Россія до сихъ поръ имѣла дѣло только съ первоклассными банкирами, а домъ Субейрана такимъ не считался.

Тогда Вышнеградскій вступилъ въ переговоры съ Ротшильдомъ и Госкье и, благодаря его ловкому образу дѣйствія и благопріятнымъ для насъ политическимъ констеляціямъ, ему удалось совершить во Франціи рядъ конверсионныхъ операцій, благодаря которымъ наши 5⁰/₀ бумаги были обращены въ четырехпроцентную ренту, которая въ скоромъ времени дошла до пари.

Столь высокаго уровня нашъ государственный кредитъ никогда еще не достигалъ. Это былъ несомнѣнно блистательный моментъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Одновременно съ этимъ, Иванъ Алексѣевичъ погасилъ небольшой остатокъ нашего 6⁰/₀ займа и кромѣ того сократилъ болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ нашъ внутренній краткосрочный долгъ, изъятіемъ изъ обращенія соответственнаго числа казначейскихъ билетовъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ операцій не только нашъ кредитъ значительно поднялся, но еще и въ бюджетѣ оказалась ежегодная экономія приблизительно въ 30 милліоновъ, обусловленная частью прекращеніемъ обязательныхъ амортизацій, частью пониженіемъ процента по нашимъ государственнымъ долгамъ.

Конверсионную операцію, предпринятую Вышнеградскимъ, нельзя не признать въ высшей степени удачно исполненною. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ того, нашъ государственный кредитъ стоялъ на значительной высотѣ; только въ послѣднее время несчастная японская война лишила насъ того блестящаго положенія, которое столько лѣтъ занимали наши финансы на европейскихъ рынкахъ.

Вышнеградскій кромѣ того былъ постоянно занятъ мыслями о подготовленіи средствъ для возстановленія нашего денежнаго обращенія на металлическомъ основаніи. Въ это время серебро стало значительно падать въ цѣнѣ, и это паденіе дошло до того, что курсъ серебра почти сравнялся съ курсомъ нашихъ кредитныхъ

билетовъ, такъ что представлялось возможнымъ приступить безотлагательно къ размѣну кредитныхъ билетовъ на серебро по номинальной ихъ цѣнѣ, рубль за рубль. На подобномъ рѣшеніи монетнаго вопроса однако серьезно и не останавливались, такъ какъ при постоянныхъ колебаніяхъ цѣны серебра и при продолжающемся ея паденіи бѣлый металлъ не могъ уже представлять солиднаго базиса для металлическаго денежнаго обращенія страны. Конечною цѣлью имѣлась ввиду золотая монетная единица,—такое рѣшеніе было окончательно установлено въ засѣданіи финансоваго комитета, происходившемъ лѣтомъ 1887 года въ Царскомъ Селѣ въ квартирѣ М. Х. Рейтерна, подъ его предсѣдательствомъ. Въ этомъ засѣданіи кромѣ меня принимали участіе: Н. Х. Бунге, Д. М. Сольскій, кажется, Государственный контролеръ, и директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсень.

Ввиду такого рѣшенія пришлось постепенно накапливать золото въ нашемъ металлическомъ фондѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности противодѣйствовать колебаніямъ въ курсѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ эти колебанія доходили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сколько помню, до 20% разницы между высшимъ и низшимъ курсомъ. Понятно, до какой степени подобная неустойчивость денежной единицы должна была вредно отзываться на торговыхъ оборотахъ. Дѣлая какую-либо закупку на срокъ, приходилось одновременно съ этимъ дѣлать каждый разъ дополнительную кредитную операцію для обезпеченія себѣ извѣстнаго курса въ моментъ платежа.

Вышнеградскому удалось довести эти колебанія до минимума путемъ операціи постояннаго арбитража на золото, которое онъ ввелъ въ дѣйствіе. Когда цѣна золота понижалась, государство стало покупать золото, а напротивъ того, когда цѣна на золото начинала значительно расти и одновременно съ симъ курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ понижаться, казначейство приступало къ продажѣ золота и тѣмъ полагало предѣлъ упадку курса. Эта операція была ведена министромъ такъ искусно, что колебанія курса были заключены въ очень тѣсныя предѣлы и вмѣстѣ съ тѣми операція содѣйствовала накопленію золота въ нашемъ металлическомъ запасѣ.

Нельзя однако было не опасаться, что нашъ невыгодный международный балансъ будетъ служить препятствіемъ къ введенію у насъ твердаго металлическаго обращенія. Въ сущности нашъ торговый балансъ склонялся постоянно въ нашу пользу,—но избытокъ его не могъ восполнить наши заграничные платежи по государственному долгу и др. При такомъ положеніи дѣла Вышне-

градскій считалъ особенною своею задачею содѣйствовать возвышенію активности нашего торговаго баланса и съ этою цѣлью съ одной стороны приступилъ къ значительному повышенію нашего таможеннаго тарифа, а съ другой стороны обратилъ особое вниманіе на увеличеніе отпуска хлѣба за границу, поощряя этотъ отпускъ введеніемъ покровительствующихъ этому отпуску желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Какъ ни послѣдовательна была эта финансовая политика, но послѣдствіемъ ея являлось вздорожаніе предметовъ иностраннаго привоза, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. сельскохозяйственныя орудія, представляли потребность для нашего сельскаго хозяйства. Вотъ почему его финансовую политику стали упрекать въ томъ, что она покровительствуетъ фабрично-мануфактурному производству страны въ ущербъ ея сельскаго хозяйства. Такой упрекъ не былъ лишенъ основанія, ибо хотя потребность сельскаго хозяйства въ иностранныхъ продуктахъ при этомъ обыкновенно нѣсколько преувеличивалась, но несомнѣнно хозяйства, работающія машинами, страдали отъ ихъ дороговизны, а вмѣстѣ съ тѣмъ при крайней экономіи въ государственныхъ расходахъ, которой держался Вышнеградскій, въ нашемъ бюджетѣ почти совершенно не ассигновалось средствъ на разныя статьи, отъ которыхъ могло послѣдовать развитіе нашего сельскаго хозяйства, какъ-то: проложеніе мѣстныхъ дорогъ, созданіе мелкаго кредита и т. п.

Мы говорили выше о поощреніи отпуска, изданіемъ *ad hoc* соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. По этому поводу необходимо сказать нѣсколько словъ о нашей желѣзнодорожной тарифной политикѣ вообще. Въ прежнее время установленіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ было всецѣло предоставлено усмотрѣнію правленій обществъ. При такомъ положеніи дѣла, каждая дорога заботилась только о своихъ частныхъ интересахъ. Подъ вліяніемъ конкуренціи устанавливались тарифы, явно невыгодные для государства, провозъ товаровъ часто затруднялся по такимъ направленіяхъ, которыя были желательны странѣ, и кромѣ того сложность расчетовъ по разнообразнымъ тарифамъ чрезвычайно затрудняла вообще передвиженіе по нимъ товаровъ. Отъ этого особенно страдалъ отпускъ нашего хлѣба за границу.

Это неудобство уже давно указывало на необходимость нѣкакого регулированія жел.-дор. тарифнаго порядка въ интересѣ общества. И въ прессѣ и въ правительственныхъ сферахъ шла борьба мнѣній о степени допустимости правительственнаго воздѣйствія на тарификацію частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Алексѣевичъ

энергически настаивалъ на правѣ правительства руководить этимъ дѣломъ въ общемъ интересѣ. Его мнѣніе наконецъ восторжествовало — изданъ былъ законъ, дающій правительству возможность регулировать жел.-дор. тарифную политику въ видахъ ея упрощенія и направленія сообразно истиннымъ интересамъ государства. По достиженіи этого важнаго результата, оставалось рѣшить, кому будетъ поручено это руководство. Вышнеградскій былъ убѣжденъ, что если это дѣло будетъ предоставлено инженерамъ, то изъ него ничего не выйдетъ. Отсюда возникла ожесточенная борьба между министерствомъ финансовъ и министерствомъ путей сообщенія, во главѣ котораго, послѣ кратковременнаго управленія министерствомъ Паукеромъ, стоялъ въ то время Гюббенетъ. Въ этой борьбѣ министръ финансовъ остался побѣдителемъ: въ его руки было передано тарифное дѣло желѣзныхъ дорогъ, и по этому случаю въ министерствѣ финансовъ былъ учрежденъ желѣзнодорожный департаментъ. Кромѣ того, подъ моимъ предсѣдательствомъ былъ устроенъ совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ принимали участіе, кромѣ членовъ отъ министерства финансовъ, представитель министерства путей сообщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ и всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ; директоромъ жел.-дор. департамента Иванъ Алексѣевичъ назначилъ С. Ю. Витте, съ которымъ онъ былъ давно въ сношеніяхъ по предшествовавшему участию его въ правленіи Юго-Западныхъ дорогъ. Какъ оказалось впоследствии, Вышнеградскій, докладывая Государю о назначеніи Витте, рекомендовалъ его какъ человѣка крайне способнаго и даже отчасти указалъ на него, какъ на лицо, могущее впоследствии наследовать ему въ министерствѣ финансовъ. Далѣе я буду имѣть случай, въ свое время, изложить, какъ въ дѣйствительности состоялось, послѣ болѣзни Вышнеградскаго, назначеніе С. Ю. Витте, и какъ послѣднему удалось осуществить то, къ чему стремились его предшественники — Рейтернъ, Бунге и Вышнеградскій, а именно: установить у насъ прочное золотое металлическое обращеніе.

Считаю не безынтереснымъ заключить эту общую характеристику финансовой дѣятельности И. А. Вышнеградскаго слѣдующимъ разсказомъ.

Въ концѣ 1890 года, при утвержденіи бюджета на слѣдующій годъ, въ первый разъ оказался значительный избытокъ въ доходахъ. По этому поводу А. А. Абаза, который тогда былъ предсѣдателемъ департамента экономіи, сдѣлалъ обѣдъ въ честь Ивана Алексѣевича, на которомъ я также участвовалъ. Вышнеградскаго поздравляли съ блестящими результатами его финансовой политики, пили за его здоровье и т. д.; повидимому, Иванъ Алексѣевичъ былъ

на апогеѣ своей славы и своего величія. Никто изъ нихъ не предвидѣлъ на этомъ обѣдѣ, что это былъ не только моментъ величія Вышнеградскаго, но и моментъ поворота его судьбы въ противоположную сторону. Съ этого момента счастье и удачи ему измѣнили. 1891 годъ ознаменовался необычайнымъ неурожаемъ, пришлось ассигновать милліоны на прокормленіе голодающихъ, затѣмъ несчастная мѣра — воспрещеніе по рѣшенію Комитета Министровъ вывоза нашего хлѣба—не принесшая никакой пользы, а между тѣмъ разстроившая на многіе годы нашу отпускную торговлю хлѣбомъ, и тѣмъ нанеся благосостоянію страны неисчислимый ущербъ, наконецъ самая болѣзнь Ивана Алексѣевича... Годъ спустя сошелъ со сцены и хозяинъ, дававшій этотъ обѣдъ.

Послѣ этого историческаго отступленія, далеко заходящаго впередъ, возвращаюсь къ обычной нашей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

